

Е Чанцзянь тихо застонал, затем выдохнул. Кость встала на место, боль утихла, и уже не была такой острой, как в начале.

Тан Цзянли быстро вышел и вернулся через миг с шиной и бинтами, осторожно зафиксировав его руку.

Одежда Е Чанцзяня была изорвана в клочья, лицо и руки покрыты засохшей грязью — выглядел он более чем плачевно.

Тан Цзянли принёс тёплой воды, присел перед ним и начал аккуратно вытирать грязь с его щёк и рук.

Е Чанцзянь, глядя сверху, увидел его вихор на макушке и улыбнулся:

— Тан Цзянли, оказывается, у тебя два вихоря. Мама говорила, что люди с двумя вихорями от природы умны.

Тан Цзянли молчал, лишь нежно вытирал его руки.

Е Чанцзянь посмотрел на забинтованную руку:

— Вот если бы здесь был ученик Медицинской Секты Тушань, он бы взмахом руки заставил кость срастись.

Тан Цзянли встал, вынес таз и вскоре вернулся с свежей горячей водой.

Он подошёл к кровати, поставил таз и начал расстёгивать одежду Е Чанцзяня. Тот схватил его за руку:

— Это... я сам справлюсь, хе-хе-хе.

— Честно говоря, я левша, так что правая рука у меня и так почти бесполезна.

Тан Цзянли поднял глаза и долго смотрел на него. В его золотистых глазах таилась глубокая печаль. Е Чанцзяню даже на мгновение показалось, что этот холодный и надменный юноша вот-вот расплачется.

Е Чанцзянь коснулся его щеки:

— Тан Цзянли, не печалься так. Мужчины часто получают ранения, это дело житейское.

Тан Цзянли отложил полотенце, сел рядом, стараясь не задеть больную руку, и обнял его.

Тело Гу Няньцина было худым и хрупким, поэтому Тан Цзянли смог полностью укрыть его в своих объятиях.

Е Чанцзянь, опираясь на его плечо, стал клевать носом:

— Тан Цзянли, ты такой тёплый, словно мой Малыш Тигр.

Место «Где некогда сияли радужные облака» объединяло красоту всех времён года, а «Бамбуковый двор», где находился Е Чанцзянь, относился к весенней зоне, поэтому ночью здесь не было холодно.

Тан Цзянли обнимал его, одной рукой нежно поглаживая спину.

Под его ритмичными движениями Е Чанцзянь накрыла дремота, сознание помутилось, и он уснул.

Ночь прошла без сновидений.

С рассветом, когда запели петухи, Е Чанцзянь открыл глаза. Он хотел потянуться, но в правой руке вспыхнула тупая боль, и он вспомнил о переломе.

Он надул губы, встал с кровати. Грязная одежда уже была заменена Тан Цзянли, на изголовье лежал новый комплект, а на столе дымилась горячая еда.

Церемония передачи титула Патриарха должна была состояться в ближайшее время, поэтому Тан Цзянли был очень занят.

Жители «Ночной переправы под звон ветра» были левшами, что было связано с их практикой заклинаний, поэтому Е Чанцзянь не чувствовал какого-либо дискомфорта. Он щёлкнул пальцами, и на дне таза забил источник воды. Ему казалось, что его искусство повеления дождём становится всё более совершенным.

Быстро умывшись и позавтракав, он наконец смог спокойно осмотреть «Бамбуковый двор».

Не глянул бы — не удивился бы.

Обстановка этой комнаты была точной копией его жилья из прошлой жизни, даже расположение мебели совпадало: туалетный столик из красного дерева, широкая резная кровать, шкаф из сандала... Он вышел за дверь, огляделся — окружающие пейзажи были до боли знакомы.

Его сердце дрогнуло. Глядя на петухов, гуляющих среди бамбука, прыгающих кроликов и слушая журчание водопада, он почувствовал себя словно в другом времени.

Кто-то из Клана Танмэнь бывал в «Ночной переправе под звон ветра»? Зачем они создали такое же место в «Где некогда сияли радужные облака»?

Наверное, они посчитали пейзажи «Ночной переправы» на редкость умиротворяющими и атмосферными, поэтому решили скопировать этот райский уголок.

Думая об этом, он почувствовал облегчение и шагнул за ворота «Бамбукового двора».

Поднимаясь по горной тропе, усыпанной опавшими лепестками, и проходя через Сливовую рощу и арку из глициний, он наслаждался проносящимся мимо великолепием.

— Юаньсы!

Сзади раздался радостный голос Янь Уюя. Е Чанцзянь обернулся и увидел, как Тан Цюци с Янь Уюем быстро поднимаются к нему.

Тан Цюци показал язык:

— Парень, тебе чертовски повезло!

Янь Уюй облегчённо выдохнул:

— Когда ты упал, старший брат прыгнул следом, даже о мече не вспомнил. К счастью, вы оба живы.

Е Чанцзянь спросил:

— А Тан Ханьюй?

Тан Цюци ответил:

— Жар спал, но он всё ещё без сознания. Вице-Патриарх ухаживал за ним всю ночь, не раздеваясь.

Е Чанцзянь небрежно бросил:

— Тан Жои, видимо, возвращает его как родного сына.

Едва это слетело с губ, он вдруг всё понял.

У Тан Жои и Тан Тана никогда не могло быть детей, а Тан Цзянли был «сломанной веткой». Вся ответственность за продолжение рода клана Танмэнь лежала на Тан Ханьюе, а он вчера чуть не утопил его.

Хотя он не испытывал к Тан Ханьюю сочувствия, он понимал, насколько ужасным был его вчерашний поступок для Тан Цзянли, но тот даже не упрекнул его.

Только он не ожидал, что Тан Цзянли и Тан Жои, которые казались такими холодными и бесчувственными, окажутся на самом деле самыми добрыми.

Он размышлял обо всём этом, даже не услышав, как Тан Цюци окликнул его.

— Гу Няньцин! Гу Няньцин!

— А?

Тан Цюци, видя его рассеянность, спросил:

— Что с тобой? Рука болит?

Е Чанцзянь покачал головой, а затем услышал его вопрос:

— Где ты вчера ночевал? Я не видел тебя в общежитии.

Янь Уюй заметил:

— Я вчера ночевал с Цюци, думал, ты тоже придёшь. Неужели ты с старшим братом?

Е Чанцзянь ответил:

— В «Звучащей цитре».

Тан Цюци удивлённо протянул:

— О? — Лицо его приняло странное выражение.

— Что?

Янь Уюй воскликнул:

— Я выиграл пари! Я же говорил, они точно вместе!

Тан Цюци добавил:

— Это же личные покои старшего брата, нам туда обычно запрещено входить.

Он пробормотал ещё тише:

— Неужели они уже дошли до этого... А как же первая любовь старшего брата... Фух, что же теперь делать?

Е Чанцзянь усмехнулся:

— О чём ты там бормочешь в одиночку?

Тан Цюци покачал головой:

— Пошли, на урок чуть не опоздали.

Тан Цюци повёл их в класс, где они столкнулись со взглядами всех учеников.

Ученики клана были одеты в зелёную одежду с узорами, и только Е Чанцзянь с Янь Уюем — в сине-белые робы, поэтому все знали, что они пришлые из «Далёких Облаков и Вод», и смотрели на них с любопытством.

Янь Уюй застенчиво и мило им улыбнулся.

Е Чанцзянь хмыкнул:

— Почему-то чувствую себя обезьяной в клетке.

Тан Цюци скосил глаза на его загипсованную руку и подшутил:

— Наверное, они гадают, какую битву мирового масштаба ты и Тан Ханьюй пережили.

Дзинь-дзинь-дзинь

Прозвенел звонок к уроку. Они заняли места в самом заднем ряду, и в класс вошёл Тан И, чьи широкие рукава развевались, словно на ветру.

Ученики встали и поклонились, хором произнеся:

— Здравствуйте, учитель.

— Здравствуйте, садитесь.

Тан И взял книгу со стола и начал читать:

— Сегодня мы изучим путь благородного мужа.

— «Общение благородных мужей чисто, как вода; общение низких людей сладко, как вино». Это означает, что дружба благородных не основана на выгоде, они заботятся друг о друге и без неё; же дружба низких людей часто продиктована выгодой, они сближаются ради неё, а когда

интересы исчезают, люди расходятся, как дым.

Тан Цюци усмехнулся:

— Учитель, значит, мы с тобой — друзья в бедности?

Тан И слегка нахмурил брови:

— Почему ты так считаешь?

Тан Цюци небрежно ответил:

— Ну, ты бедный, а я ничтожный.

— Хе-хе-хе...

Весь класс расхохотался.

Е Чанцзянь хлопал ладонью по столу, смеясь без остановки, пока рана на руке не разошлась от напряжения, и он не зашипел от боли.

Тан И от гнева даже усы зашевелились:

— Выйди и стой в коридоре!

— Хорошо.

Тан Цюци лениво отозвался, встал и направился к выходу.

Е Чанцзянь тут же тоже поднялся, но Тан И окликнул его:

— Гу Няньцин, куда это ты?

Е Чанцзянь с серьёзным видом ответил:

— Ученик только что посмеялся над учителем, что является великим неуважением, и подлежит наказанию!

Не дожидаясь ответа, он юркнул за дверь.

Тан Цюци услышал сзади торопливые шаги, обернулся и ухмыльнулся:

— Тебе тоже скучно зубрить?

Е Чанцзянь махнул рукой:

— Ненавижу мёртвую учёбу.

Тан Цюци присел на корточки, выдернул травинку и засунул её в рот:

— Клан Танмэнь требует и добродетели, и таланта, так что учить это приходится.

С этой позой уличного хулигана в нём не было ничего похожего на воспитанного представителя клана Танмэнь.

Е Чанцзянь тоже засунул в рот травинку и спросил:

— Тан Цюци, как там у тебя продвигается «Искусство меча, Рассеивающего Душу»?

<http://bllate.org/book/16478/1496967>